

КУЛЬТУРА. 1994. — Июнь — с. 4.

ДЕСЯТЫЙ ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО

Лев Власенко: мы —
друзья конкурсантов!

Перед началом соревнования пианистов мы встретились с их «верховным судьей» Львом Власенко.

— Лев Николаевич, вам уже приходилось быть членом жюри Конкурса Чайковского, но председателем его вы стали впервые, а это роль куда более трудная. Как вы готовились к ней и в чем видите главную свою задачу?

— Разумеется, в том, чтобы обеспечить четкую, слаженную работу в нормальной, доброжелательной атмосфере. Надеюсь, у меня не будет с этим проблем, ведь все члены жюри, лауреаты Конкурса Чайковского, «прошли» через мои руки. Я четыре раза был членом жюри и трижды — секретарем, пропустив только два конкурса — первый, на котором сам демонстрировал свои способности, и пятый. Секретарство, кстати, — тоже очень ценный опыт. С одной стороны, находясь в самом тесном контакте с конкурсантами, с другой — являешься доверенным лицом председателя жюри. Эмиль Григорьевич Гилельс нередко советовался со мной.

— В каких случаях?

— А вот, например, на третьем конкурсе, когда резко разделились мнения, кому присуждать первую премию — нашему Григорию Соколову или американцу Мише Дихтеру. Это знаменитая история — меломаны со стажем ее хорошо помнят. Многие члены жюри и публика отдавали предпочтение Дихтеру, но Эмиль Григорьевич рассудил иначе. И, думаю, был прав.

Замечательно сыграв на первых двух турах, на третьем Миша выступил не очень удачно. А выступление с оркестром — это отдельный, особый конкурс, турнир внутри турнира. И вот этот-то конкурс Соколов, бесспорно, выиграл.

Любопытный эпизод — я приглашал Григория Соколова в жюри нынешнего конкурса, но он отказался. И знаете, по какой причине? Сказал: «Не судите и несудимы будете».

— Но вам-то как раз придется судить. И как избежать подобного разброса мнений, как добиться согласия, причем, такого, что будет безоговорочно признано справедливым?

— Ну система-то давно придумана. Если выставленная тобой оценка более чем на 3 балла — у нас принята двадцатипятибалльная шкала — выше или ниже получающегося среднего балла, она не учитывается. Ибо невозможно так сильно отличаться от остальных членов жюри и при этом оказаться беспристрастным.

У нас в жюри — концертирующие пианисты, связанные исключительно дружескими узами, а не интересами своего учебного заведения. Только треть составляют те, что преподают в Московской консерватории. (Никуда не денешься — она все-таки основной поставщик кадров). Состав жюри очень сокращен — всего 12 человек, это тоже облегчит работу. Голосование, разумеется, тайное, но по завершении конкурса мы с Михаилом Воскресенским, секретарем, познакомим всех членов жюри с тем, как каждый из них голосовал по ходу состязания.

Для того чтобы не ошибиться в конкурсантах, а им, напротив, дать право на неудачу, которая вполне может объясняться «стартовым» волнением, мы разделили первый тур на два подтура. Причем после первого подтура голосование не проводится.

Опять-таки для того, чтобы

составить наиболее полное и объективное представление обо всех участниках, не будем просить их сокращать программу.

— На победу, конечно же, как водится, рассчитывают далеко не все. А как по-вашему, главное — участвовать или все-таки победить? С какими мыслями вы сами выступали на конкурсе?

— Когда я приехал в Будапешт на Конкурс имени Листа, я никому не был известен и сам не помышлял ни о каких наградах. Просто играть перед такими маститыми, замечательными музыкантами, входившими в комиссию, уже было счастьем.

Другое дело — Конкурс Чайковского. У меня уже была первая премия Конкурса Листа, от меня многого ожидали, и, естественно, хотелось окатиться на высоте. Волновался я ужасно — как начал, даже не помню. А потом «собрался». Мне самому понравилось, как я сыграл сонату Листа, публика принимала очень тепло, и у меня появилось хорошее настроение. Клиберна я услышал уже после того, как он стал победителем, пришел в восторг и понял, что у меня нет причин быть недовольным своей второй премией. Короче, что для вас главное, зависит от ваших личных обстоятельств.

— По традиции — ваши пожелания конкурсантам.

— Дорогие мои, забудьте о том, что вы играете на конкурсе! И будьте уверены в доброжелательности членов жюри — ведь все мы в разное время прошли через это испытание и понимаем вас, как никто!

Интервью взяла
Н. ШАДРИНА.